

УДК 81
ББК 81.411.2

DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-263-269

НОВЫЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К СОПОСТАВЛЕНИЮ «ТАБУИЗМОВ-ЭВФЕМИЗМОВ» В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сюй Лиюнь

Аннотация. Согласно теории лингвокультурологии, языковая личность неизбежно сталкивается с межкультурным конфликтом из-за ярких расхождений двух языковых и культурных картин мира при межкультурной коммуникации. Овладение лингвокультурными знаниями изучаемого языка, в том числе табуизмами-эвфемизмами, гарантирует успешную межкультурную коммуникацию. В данной статье рассматриваются термины «табу», «табуизмы» и «эвфемизмы», излагается соотношение между этими понятиями, выясняются их лингвокультурные и коммуникативные особенности в русском и китайском языках, а затем выдвигается новый лингвокультурологический подход к сопоставлению «табуизмов-эвфемизмов» в русском и китайском языках, который рассматривает «табуизмы-эвфемизмы» как лингвокультурное единство и позволяет нам лучше познать не только отличия между русскими и китайскими табуизмами-эвфемизмами, но и расхождения между менталитетом обоих народов.

Ключевые слова: новый лингвокультурологический подход, сопоставление, табуизмы-эвфемизмы, лингвокультурное единство, межкультурная коммуникация.

Для цитирования: Сюй Лиюнь. Новый лингвокультурологический подход к сопоставлению «табуизмов-эвфемизмов» в русском и китайском языках // Наука и школа. 2022. № 3. С. 263–269. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-263-269.

© Сюй Лиюнь, 2022

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

A NEW LINGUOCULTURAL APPROACH TO THE COMPARISON OF „TABOO-EUPHEMISMS” IN RUSSIAN AND CHINESE

Xu Liyun

Abstract. *According to the theory of linguoculturology, linguistic personalities inevitably face intercultural conflicts due to the striking differences between the two linguistic and cultural worldviews in intercultural communication. Mastering the linguocultural knowledge of the target language, including taboo-euphemisms, guarantees successful intercultural communication. This article examines the terms „taboo”, „tabooism” and „euphemism”, outlines the relationship between these concepts, clarifies their linguocultural and communicative features in the Russian and Chinese languages, and then puts forward a new linguocultural approach to comparing „taboo-euphemisms” in Russian and Chinese, which considers „taboo-euphemisms” as a linguocultural unity and allows us to better understand not only the differences between Russian and Chinese taboo-euphemisms, but also the differences between the mentalities of both peoples.*

Keywords: *new linguocultural approach, comparison, taboo-euphemisms, linguocultural unity, intercultural communication.*

Cite as: Xu Liyun. A new linguocultural approach to the comparison of „taboo-euphemisms” in Russian and Chinese. *Nauka i shkola*. 2022, No. 3, pp. 263–269. DOI: 10.31862/1819-463X-2022-3-263-269.

Согласно теории лингвокультурологии, цель обращения к культуре заключается не только в иллюстрации языковых явлений, но и в приобщении к ней, ее оценивании и понимании [1, с. 49]. «Приобщение к культурному наследию и усвоению элементов других культур» считается предпосылкой диалога культур, который лежит в основе межкультурной коммуникации [2, с. 76]. Иначе говоря, суть межкультурной коммуникации – это «взаимодействие культур» [3, с. 35]. Языковая личность неизбежно сталкивается с межкультурным конфликтом из-за ярких расхождений двух языковых и культурных картин мира при межкультурной коммуникации. Это значит, что «способность сопоставить иноязычную культуру со своей» и овладение лингвокультурными знаниями изучаемого языка, в том числе табуизмами-эвфемизмами, гарантирует успешную межкультурную коммуникацию [4, с. 26].

В данной статье сначала рассматриваются термины «табу», «табуизмы» и «эвфемизмы», излагается соотношение между этими понятиями, выясняются их лингвокультурные и коммуникативные особенности в русском и китайском языках, а затем выдвигается новый лингвокультурологический подход к сопоставлению «табуизмов-эвфемизмов» в русском и китайском языках.

Как известно, в любой лингвокультуре существует строгий запрет определенных предметов, действий, слов и выражений. В социолингвистике для обозначения таких предметов, действий, слов и выражений употребляют термин «табу». По исследованию социологов и лингвистов, данный термин родился на Полинезийском архипелаге, в центральной части Тихого океана, поэтому для большинства языков это слово не исконное, а заимствованное. В английском переводе это “taboo” или “tabu”, в русском переводе это «табу», а соответствующее

заимствование в китайском языке – «塔布 *tǎbù*».

Хотя сегодня данный термин получил широкое распространение не только в области антропологии, этнографии и социологии, но и в лингвистике, в частности в социолингвистике, с самого начала у него были лишь два смысловых значения: «священное» и «запретное». Отсюда можно обобщить две основы возникновения табу – поклонение богам, природе и суеверие, что привело к возникновению языкового фетишизма и запрету на какое-либо слово, предмет или действие; запрет можно разделить на два типа: 1) табу на поведение и предметы; 2) табу на язык. В данной статье рассмотрим табу в узком значении – «языковое табу», то есть запретные, табуированные слова и выражения – табуизмы.

Хотя термин «табу» был введен в XVIII в., но данное лингвокультурное явление можно проследить до образования человеческого общества, оно появилось еще с древних времен. Было общепризнано, что у языка магическая сила, которая способна непосредственно воздействовать на окружающий мир. По суеверным представлениям, нарушение запрета слов карается сверхъестественными силами, поэтому люди избегали употребления табуизмов при всех коммуникативных ситуациях. Темы древних табуизмов были связаны с различными сферами обыденной жизни: явлениями природы, житейскими заботами (рождением, старостью, болезнями, смертью), сельскохозяйственным трудом, приемом пищи, общественными обычаями (браком и похоронами) и т. п. В современном цивилизованном обществе табуизмы также стараются не употреблять в коммуникации, но не столько из суеверного страха, а сколько из общего понимания того, что эти языковые выражения считаются неприемлемыми в данной конситуации. В общем, табуизмы являются «неписанным законом» и

для языкового обычая в прошлом, и для культуры речи в настоящее время.

Табуизмы являются распространенным лингвокультурным явлением, они играют важную роль в социальном общении и межкультурной коммуникации. В них зафиксированы национальные социокультурные стереотипы в языковом сознании лингвокультурного сообщества [5]. Черты, свойственные табуизмам, заключаются в универсальном признаке, национальном признаке, признаке эпохи, характере конситуации и вариативности. Согласно мнению А. М. Кацева, чаще встречаются табуизмы следующих тематических групп: наименования животных; наименования растений, минералов, явлений природы; названия частей тела; наименования болезней и смерти; имена богов и духов; имена людей [6, с. 11–13]. Кроме того, нередко встречаются и наименования умственных и физических недостатков человека; наименования, относящиеся к сфере физиологии, в том числе наименования, относящиеся к сексуальной теме и др.

В любом языке существуют табуизмы, однако в каждом языке табуизмы имеют свои характерные черты. Мы считаем, что табуизмы в русском и китайском языках лишь частично совпадают, в большинстве своем они сильно расходятся. Например, основываясь на сходстве отношения двух народов к позору и стыду в человеческом обществе, в обоих языках как табуизмы рассматривают выражения для обозначения нечистых и непристойных вещей, в частности выделение экскрементов. Слова, обозначающие интимные части тела человека, например, русское слово «грудь» и китайское слово «乳房 *rǔfáng*», русское слово «ягодица» и китайское слово «臀部 *túnbù*» считаются неприлично произносимыми на публике, потому что они вызывают у людей определенные ассоциации и относятся к табуизмам одновременно как в русском языке, так и в китайском языке. Однако большинство

табуизмов в русском и китайском языках отличается друг от друга, они отражают четкое национальное своеобразие. В древние времена китайцы преклонялись перед некоторыми животными, веря, что они такие же умные, как люди, могут и отплатить, и отомстить за обиды, поэтому их нельзя обижать. Например, они называли лису словами-заменителями «狐仙 húxiān» (Феёу-лисой) или «大仙 dàxiān» (Великой феёу), а тигра «大虫 dàchóng» (Великим насекомым). А в русском языке табуизмов такого типа бытует мало. В русском языке названия животных больше имеют символические значения, например, «лиса» чаще всего употребляется как символ хитрости, а «заяц» символизирует трусливость. Однако можно найти исключения. Например, русское слово «медведь» само является словом-заменителем со значением 'медоед, мед едящий' для замены запретного настоящего названия этого зверя индоевропейского происхождения, к сожалению, исконное название медведя в русском языке не сохранилось. Нам известно, что китайский язык является одним из самых омонимичных языков в мире, в результате чего в китайском языке наблюдаются многочисленные своеобразные «табуизмы-омонимы», а в русском языке такого рода табуизмы очень редко встречаются. Например, в китайской лингвокультуре с древних времен сохраняется строгое табу на произношение слова «死 sǐ» (смерть), это привело к тому, что омонимичное слово «四 sì» (четыре) тоже считается табуизмом, и такое число избегают употреблять многие китайцы. Приведем еще примеры. В китайском языке слово «梨 lí» (груша) является омонимом слова «离 lí» (расставание, разлука), а слово «伞 sǎn» (зонт) представляет собой омоним слова «散 sǎn» (расставание, разлука), и поэтому эти слова тоже считаются табуизмами. Поэтому грушу называли «园果 yuán-guǒ» (садовой ягодой) для замены

табуизма-омонима «梨 lí» (груша), а зонт – «竖笠 shùlì» (вертикальной шляпой) для замены табуизма-омонима «伞 sǎn» (зонт) в связи с табу на расставание с близкими.

Как упомянуто выше, вместо неудобных, грубых, неприличных, даже непристойных слов или выражений принято употреблять слова-заменители, то есть эвфемизмы. Слово «эвфемизм» происходит от греческого «ἐυφήμη», где «εὖ» имеет значение 'хорошо', а «φήμη» – 'речь'. Несмотря на то, что данной теме посвящено множество работ, до сих пор у данного термина пока отсутствует единое определение. Отметим, что существуют два общепризнанных понимания «эвфемизма»: широкое и узкое. Первое включает и эвфемизмы с разными стилистическими и оценочными окрасками (включая юмористические и иронические эвфемизмы), украшенные эвфемизмы (включая социально-политические и профессиональные) и другие эвфемистические выражения без соответствующего табуизма. Второе подразумевает эвфемизмы, которые происходят из запрета на табуизмы, чтобы избежать беду или конфликты. В данной статье мы употребляем термин «эвфемизм» в узком понимании. На наш взгляд, эвфемизмы – это эмоционально нейтральные слова или выражения, заменяющие те или иные табуизмы в целях вежливости, тактичности, самозащиты и реализации коммуникативной установки.

Несомненно, эвфемизмы в узком смысле происходят от языкового табу и они воплощаются в языке и культуре. Л. П. Крысин полагает, что основная цель использования эвфемизмов – это стремление уйти от коммуникативных конфликтов, не создавая у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта [7, с. 79]. Как уже отмечалось выше, слова, прямо упоминающие выделения человека, принимаются как табуизмы из-за чувства позора и стыда,

следовательно, соответствующие косвенные наименования в этом аспекте с самого начала служат эвфемизмами. Например, китайские эвфемизмы «(上)大号 (shàng)dà hào» (сходить по-большому), «(上)小号 (shàng)xiǎohào» (сходить по-маленькому), «去方便一下 qùfāngbiànyīxià» (сходить в туалет), «解手 jiěshǒu» (сходить в туалет). В русском языке также соответственно употребляют такие эвфемизмы, как за большой/малой нуждой, по известной надобности, мыть руки. Несмотря на различия по происхождению и определению, «табуизмы» и «эвфемизмы» имеют между собой тесную связь. Прагматическая функция эвфемизмов определяет, что некоторые из них постепенно становятся новыми табуизмами и заменяются новыми эвфемизмами. Например, в обоих языках наблюдается такая тенденция трансформирования наименований одной и той же темы. С развитием общественной цивилизации в русском языке слово *уборная* заменяется *туалетом*, а затем *мужской или женской комнатой*. А в китайском языке наблюдается такая синонимичная цепочка, как «茅房 máofáng → 厕所 cèsuǒ → 洗手间 xǐshǒujiān». Табуизмы влекут за собой эвфемизмы, а эвфемизмы появляются для замены табуизмов, они тесно связаны друг с другом, тем не менее отношения между ними не совсем равны. Обычно одному табуизму соответствует несколько эвфемизмов, между которыми существуют нюансы по стилистической и эмоционально-экспрессивной окраске, их употребление относительно субъективно, что зависит от языковой личности и конкретной коммуникативной ситуации. Кроме того, существуют еще табуизмы без эвфемистической замены, как пишет А. М. Кацев, «эвфемия невозможна без табу, хотя табу может быть без эвфемии» [6, с. 16]. Итак, табуизм отражает особое мировоззрение, опирающееся на убеждение о связи между предметом и

словом, а эвфемизм больше заключается в удовлетворении коммуникативных и психологических потребностей языковой личности.

Очевидно, что как уникальные лингвокультурные феномены табуизмы и эвфемизмы носят национальный культурный колорит, на разном лингвокультурном фоне табуизмы и эвфемизмы различны. Приведем примеры. В связи с расхождением в верованиях и отношениях к богу, табуизмы и эвфемизмы по именам богов и духов в китайском и русском языках резко отличаются друг от друга. В Китае мало табуизмов на имена богов и духов, а в России наоборот. Политеизм и православие оказывают глубокое влияние на национальный менталитет русского народа, и название «бога» считается табуизмом. Христианам нельзя упоминать имя Бога всуе, так что они почтительно называют его *всемогущим, всевышним, небесным владыкой*, а для обозначения черта используют слова *злой, черный, нечистая сила*, иногда используют слово *он* для обозначения домового (домашнего бога).

Китайский и русский языки сформировались на основе долговременного исторического и социального развития, и они имеют свои уникальные культурные истоки. Являясь двумя независимыми языковыми системами, их языковые картины мира четко отличаются друг от друга. Но все-таки между ними есть одновременно и большие различия, и общие черты. В китайской лингвокультуре проявляется первоначальный интерес к табуизмам в стремлении к гармонии между Небом (т. е. природой в китайской философии) и человеком. Это доказывает эвфемизм «归天 guī tiān» (*вернуться на небо*) для замены табуизма «умереть», что буквально обозначает возвращение покойных к небу и достижение единства неба и человека. А в русской лингвокультуре придается большое значение религиозным верованиям и грехам человека, в результате чего в

русском языке бытует множество эвфемизмов по данной теме. Несомненно, на образование табуизмов и эвфемизмов в двух языках влияют разные факторы, в том числе национальные, исторические, общественные, ценностные и т.п.

До настоящего времени у нас в Китае многие ученые сопоставляли русские и китайские табуизмы или эвфемизмы, однако они нередко рассматривали табуизмы или эвфемизмы отдельно друг от друга, к тому же чаще всего используя лингвострановедческий подход или прагматический подход. На наш взгляд, табуизмы-эвфемизмы нужно рассматривать как лингвокультурное единство, кроме того, русские и китайские табуизмы-эвфемизмы нужно сопоставлять с точки зрения лингвокультурологического подхода. Мы считаем, что табуизмы и эвфемизмы сосуществуют как «сопутствующие лингвокультурные феномены», и они составляют цельное и неразделимое лингвокультурное единство. С одной стороны, табуизмы влекут за собой эвфемизмы, с другой стороны, эвфемизмы выступают в качестве отражения и замены табуизмов. Тем не менее динамика трансформации эвфемизмов в табуизмы определяет неразрывность связи между ними, которая воплощается в этом смысле в одном целом «лингвокультурном единстве». Мы имеем полное основание

предполагать, что в исследовании табуизмов-эвфемизмов нельзя исключить ни табуизмы, ни эвфемизмы. Рассмотрение табуизмов и соответствующих эвфемизмов как своего рода лингвокультурного единства осуществимо и тем более необходимо для выяснения влияющих факторов на образование и эволюцию эвфемизмов в обеих лингвокультурах.

Итак, в данной статье мы предприняли попытку выдвинуть новый лингвокультурологический подход к сопоставлению «табуизмов-эвфемизмов» в русском и китайском языках. Мы считаем, что «табуизмы-эвфемизмы» представляют собой неразрывное лингвокультурное единство, следовательно, при сопоставлении русских и китайских табуизмов-эвфемизмов нельзя по отдельности рассматривать ни табуизмы, ни эвфемизмы, а нужно вместе исследовать их на лингвокультурном фоне обоих языков. Только новый лингвокультурологический подход поможет нам раскрыть суть табуизмов-эвфемизмов в русском и китайском языках, поможет выявить суть менталитета обоих народов. Иными словами, новый лингвокультурологический подход позволяет нам лучше познать не только отличия между русскими и китайскими табуизмами-эвфемизмами, но и расхождения между менталитетом обоих народов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дейкина А. Д., Янченко В. Д. Некоторые тенденции современной методики преподавания русского языка как иностранного // Современная коммуникативистика. М.: ИНФРА-М, 2018. № 1. С. 47–51.
2. Костомаров В. Г., Прохоров Ю. Е. Язык и «язык культуры» в межкультурном общении. М.: Русский язык, 1998. 128 с.
3. Фурманова В. П. Межкультурная коммуникация и культурно-языковая прагматика в теории и практике преподавания иностранных языков: языковой вуз: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1994. 475 с.
4. Дейкина А. Д., Янченко В. Д. Приоритеты в новых научных исследованиях по методике преподавания русского языка // Современная коммуникативистика. М.: ИНФРА-М, 2021. № 5. С. 26–31.
5. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. Изд. 5-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 224 с.

6. Кацев А. М. Языковое табу и эвфемия: учеб. пособие к спецкурсу. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. 80 с.
7. Крысин Л. П. Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // Русский язык в школе. 1994. № 5. С. 79.

REFERENCES

1. Deykina A. D., Yanchenko V. D. Nekotorye tendentsii sovremennoy metodiki prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo. *Sovremennaya kommunikativistika*. Moscow: INFRA-M, 2018, No. 1, pp. 47–51.
2. Kostomarov V. G., Prokhorov Yu. E. *Yazyk i “yazyk kultury” v mezhekulturnom obshchenii*. Moscow: Russkiy yazyk, 1998. 128 p.
3. Furmanova V. P. *Mezhekulturnaya kommunikatsiya i kulturno-yazykovaya pragmatika v teorii i praktike prepodavaniya inostrannykh yazykov: yazykovoy vuz. ScD dissertation (Education)*. Moscow, 1994. 475 p.
4. Deykina A. D., Yanchenko V. D. Prioritety v novykh nauchnykh issledovaniyakh po metodike prepodavaniya russkogo yazyka. *Sovremennaya kommunikativistika*. Moscow: INFRA-M, 2021, No. 5, pp. 26–31.
5. Prokhorov Yu. E. *Natsionalnye sotsiokulturnye stereotipy rechevogo obshcheniya i ikh rol v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev*. Moscow: Izd-vo LKI, 2008. 224 p.
6. Katsev A. M. *Yazykovoe tabu i evfemiya: ucheb. posobie k spetskursu*. Leningrad: LGPI im. A. I. Gertsena, 1988. 80 p.
7. Krysin L. P. Evfemisticheskie sposoby vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke. *Russkiy yazyk v shkole*. 1994, No. 5, p. 79.

Сюй Лиунь (Китай), докторант, Институт иностранного языка, Нанкинский университет
e-mail: jsxuliyun@126.com

Xu Liyun (China), postdoctoral student, School of Foreign Studies, Nanjing University
e-mail: jsxuliyun@126.com

Статья поступила в редакцию 10.12.2021
The article was received on 10.12.2021